

Петренко А.Д.

СТИЛЬ КАК СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ. УСТНАЯ РЕЧЬ И ПРОБЛЕМА ВАРИАТИВНОСТИ ПРОИЗНОШЕНИЯ

При исследовании проблем стилистической дифференциации языковых явлений лингвисты традиционно опираются на функциональный подход к языку, получивший теоретическое обоснование во множестве работ (В.В.Виноградов; Л.В.Щерба, Г.О.Винокур; Л.С.Бархударов; М.Н.Кожина; М.П.Брандес; В.М.Жирмунский; С.М.Гайдучик, Н.И.Филичева; Л.И.Проконова, Е.Riesel; J.Göschel; W.Fleischer; G.Michel; W.Schmidt; J.Steiner; G.Meinhold, M.Halliday и др.), который определяется как прагматический, включающий семантические и стилистические аспекты, но учитывающий в то же время влияние социологических и психологических факторов.

Ситуативно обусловленное варьирование предполагает исследование языка в конкретных социальных ситуациях общения. Ситуативную вариативность, которая проявляется в преимущественном использовании тех или иных языковых средств, связывают часто со стилистической дифференциацией языка, с противопоставлением различных функциональных и произносительных стилей.

Необходимо отметить, что если диалект и различные формы разговорного языка связаны, прежде всего, с географическим происхождением носителя языка, то социальный статус варианта воплощен в социолекте, а характеристики и особенности коммуникативной ситуации отражаются на стилистическом уровне, т.е. на уровне функционального и произносительного стиля. Тем самым, стилистика и фоностилистика приобретают социологическое обоснование или социолингвистический аспект.

В этой связи особую важность получает понимание функционального стиля И.А.Бодуэном де Куртенэ, который еще в 1910 году писал: „Каждый индивид может иметь несколько индивидуальных „языков“, различающихся, между прочим, и с произносительно-акустической точки зрения: язык повседневного дня, язык торжественный, язык церковной проповеди или университетской кафедры и т.п. (в соответствии с социальным положением данного индивида). В разные минуты жизни мы пользуемся различным языком, в зависимости от различных душевных состояний, от времени года и дня, возраста, от прежних навыков речи и новых приобретений“ [цит. по: 1, с. 22].

Обобщенные типы конкретных речевых ситуаций в различных сферах коммуникативной деятельности дополняют, в свою очередь, структуру социальной дифференциации языка новыми аспектами. Содержание и разнообразие сфер коммуникативной деятельности отражает социокультурную динамику данного общества в тот или иной период его истории. К ним традиционно относят такие сферы, как образование, наука, религия, делопроизводство, общественная и политическая деятельность, искусство и художественное творчество, массовая коммуникация. Языковым коррелятом социальных сфер коммуникации является, по мнению В.В.Виноградова, функциональный стиль, определяемый автором как „общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общественного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа“ [2, с. 73]. В.В.Виноградовым была предложена следующая классификация функциональных стилей с учетом основных функций языка: обиходно-бытовой (функция общения); обиходно-деловой, официально-документальной и научной (функция сообщения); публицистический и художественно-беллетристический (функция воздействия) [3, с. 6].

По мнению М.Н.Кожиной, такое соотнесение стилей с основными функциями языка целесообразно, однако не может быть положено в основу классификации, так как той или иной функции языка соответствует два или несколько различных функциональных стилей, тем самым игнорируются дифференциальные признаки отдельных стилей [4, с. 54–55].

Номенклатура функциональных стилей может, разумеется, варьироваться от языка к языку, не говоря уже о том, что подходы многих лингвистов к понятию „функциональный стиль“ различны. Известно, например, что вопрос о существовании единого стиля художественной литературы давно относится к числу дискуссионных. И в этом нет ничего удивительного, поскольку решение данного вопроса зависит от того, какой критерий автор считает наиболее существенным для выделения функционального стиля – наличие общей функции или общих языковых признаков. Важно то, что понятие функционального стиля соотносится со сферой коммуникативной деятельности, которая является не чем иным, как обобщенной социальной ситуацией со всеми присущими ей признаками. На это справедливо указывает К.А.Долинин, отмечая, что функциональные стили – это не что иное, как обобщенные „речевые жанры“, т.е. речевые нормы построенные определенных классов текстов, воплощающих обобщенные социальные роли“ [5, с. 60–62].

Отношения между сферами общественной деятельности и номенклатурой функциональных стилей часто характеризуются "прозрачностью". Один и тот же функциональный стиль может обслуживать несколько сфер социально-коммуникативной деятельности. Так, например, официально-деловой стиль характеризуется широким спектром применения. Он используется одновременно в сферах административного управления, юриспруденции, коммерческой деятельности и т.д. В некоторых случаях в качестве аналога функционального стиля могут выступать отдельные языки или их разновидности. В некоторых странах в сфере делопроизводства, религии, публицистики, поэзии используются восточные языки или латынь (арабские страны, Ватикан). При этом в сфере повседневного бытового общения доминирует стандартная форма национального языка или местные диалекты (Германия, Швейцария, Австрия). В специализированных областях коммуникативной деятельности употребляется нередко особый язык, как, например, церковнославянский у православных, арабский у мусульман и латинский у католиков. Подобное можно отнести и к упот-

реблению латинского языка в фармакологии и аптечном деле, а французского в сфере почты и связи.

Детально разработанное в современном языкознании, особенно в трудах В.В.Виноградова, учение о функциональных стилях предполагает разграничение *стиля языка*, как одной из подсистем языковой системы, и *стиля речи*, как типического применения языкового стиля (или комбинации языковых стилей) в данной сфере речевой коммуникации. Другим способом выражения этого противопоставления является оппозиция *регистр / стиль*, получившая большое распространение в американской лингвистике. Авторы выделяют регистры на экстралингвистической основе, исходя из очевидного факта, что различные ситуации общения вызывают различия в целях и задачах высказывания, что и отражается на выборе, сочетании и организации языковых средств. Поэтому понятие „регистр“ фактически соответствует понятию „стиль“ или „функциональный стиль“.

Вопросы функциональной и социальной природы языка нашли свое отражение в работах Е.Д.Поливанова, Л.П.Якубинского, Г.О.Винокура. К ним можно отнести и теорию функциональных стилей Б.Гавранека, который определял функциональный стиль, с одной стороны, в качестве *цели* языкового общения, а с другой стороны, видел в нем *способ* выражения коммуникативного намерения [6]. В Германии получило распространение определение функционального стиля, данное Б.Флайшером и Г.Михелем. Авторы понимают под функциональным стилем, определенным образом структурированную совокупность языковых явлений, которые избраны говорящим / пишущим в качестве средств выражения из ряда синонимических возможностей для реализации коммуникативной функции в определенной области деятельности [7, с. 41]. В системе немецкого языка традиционно выделяется пять функциональных стилей: официально-деловой, научно-технический, газетно-публицистический, обиходно-разговорный и словесно-художественный [8, с. 159]. Из приведенных пяти стилей некоторые лингвисты различают только четыре, как, например, Л.Долежел, в классификации которого отсутствует стиль прессы и публицистики [9, с. 234–288]. По мнению ряда исследователей, вопрос о выделении стиля публицистики и прессы довольно спорный, ввиду широкой степени его вариативности [10, с. 24]. Некоторые лингвисты разделяют стиль прессы и публицистики на два: стиль публицистики и газетный стиль [11, с. 18]. Сущность разговорного стиля также вызывает оживленную дискуссию в современном языкознании, однако, большинство авторов выделяет его в качестве отдельного стилистического типа. Начиная с 50-х годов, исследователи русского, немецкого, английского, французского языков в основном единодушны в выделении следующих основных функционально-стилистических типов: официально-делового, научного, разговорного, стиля прессы и публицистики и стиля художественной литературы. Речь стилистически дифференцируется по общественной необходимости. Общественными потребностями определяются и различные виды стиля. Поэтому стратификация есть социальный фактор в языке. Важно отметить, что социальная стратификация связана не только с тем, в каких социальных группах осуществляется высказывание, но и с тем, в каких условиях общения и с какой целью это общение происходит. В.В.Виноградов подчеркивал, что „функционально-стилистическая характеристика есть ведущая характеристика языка. Характеристика же языка по социальным группам – это вторичная характеристика, производная по отношению к тому, кто, кому, и с какой целью сказал, и в каких условиях“ [12, с. 240]. Соглашаясь в основном с мнением автора, можно констатировать, тем не менее, что оба вида стратификации представляют собой составные части единого целого.

К числу центральных проблем социолингвистики принадлежит социально обусловленная вариативность речи, характеризующаяся наличием двух измерений – *стратификационного* и *ситуативного*. Как отмечает А.Д.Швейцер, стратификационная вариативность непосредственно связана с социальной структурой общества и проявляется в языковых и речевых различиях, которые характерны для представителей различных социальных слоев и групп. Ситуативная вариативность проявляется, в свою очередь, в преимущественном использовании тех или иных языковых средств в зависимости от социальной ситуации [13, с. 31–42].

Оба вида вариативности тесно связаны друг с другом. Различия, обусловленные социальной структурой общества, накладываются на различия, обусловленные социальной ситуацией. При этом, как показали исследования У.Лабова, модели ситуативной вариативности, отражающие закономерности в распределении конкурирующих языковых форм по социальным ситуациям, являются единичными для конкретного языкового или речевого коллектива.

Другими словами, для всех членов данного коллектива характерны одни и те же закономерности, проявляющиеся в выборе тех или иных произносительных форм в зависимости от социальной ситуации общения [14]. Общая модель ситуативной вариативности может при этом по-разному реализоваться в различных социальных группах. Так, например, речь представителей высших социальных слоев характеризуется преимущественным использованием т.н. „*престижных*“ форм, а у представителей „*низшего среднего класса*“ (по терминологии У.Лабова) наблюдается гиперкорректное употребление этих форм в ситуациях официального общения.

При исследовании социальной дифференциации языка и речи взаимодействие стратификационного и ситуативного параметров особенно важно, потому что позволяет изучать речь не только в различных социальных ситуациях общения, как это делалось ранее [15, с. 578], но и дифференцировать особенности языкового и речевого поведения представителей различных социальных групп в сходных ситуациях общения.

Игнорирование ситуативной вариативности привело, например, Б.Бернштейна к выводу, что „*низшие классы*“ общества используют более ограниченные и стереотипные речевые формы в отличие от „*среднего класса*“ [16]. Одной из причин этого ошибочного, на наш взгляд, вывода было то, что автор не принял во

внимание тот факт, что объем используемых речевых ресурсов и их стереотипность не являются постоянной величиной и могут варьировать в зависимости от ряда факторов, в том числе и от социальной ситуации.

При изучении вариативности устной речи невозможно отказаться и от стратификационного аспекта, поскольку исследование речевого поведения представителей различных социальных и возрастных групп в разнообразных ситуациях общения в состоянии дать наиболее полную картину функционирования данного языка, широкого спектра его вариативности. В противном случае можно лишь, как и прежде, делать выводы относительно произносительных особенностей речи абстрактного носителя языка, члена однородного коллектива говорящих.

Исследования вариативности произношения отдельных социальных групп предусматривают, таким образом, первичность ситуативного аспекта изучения речи. В данной связи необходимо подчеркнуть, что вскрытая в ходе экспериментальной работы фонетическая вариативность речи в различных коммуникативных ситуациях общения может являться типичной не только для представителей конкретной социальной группы. Вполне вероятно, что аналогичные произносительные формы присутствуют в речи представителей разных социальных групп, а их распространение и распределение обусловлено другими социальными факторами.

Источники и литература

1. Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. –Л.: Наука, 1977.
2. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. – М.: Гослитиздат, 1959. – 654 с.
3. Виноградов В.В. Стилистика – теория поэтической речи. Поэтика. – М.: Наука, 1963. – 256 с.
4. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – М.: Просвещение, 1983. – 223 с.
5. Долинин К.А. Стилистика французского языка. –Л., 1978. – 160 с.
6. Havranek B. Vyvoi spisovneho jasyka ceskogo // Ceskoslovenska vlasiveda. – Rada II. – Praha, 1936.
7. Fleischer W., Michel G. u.a. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache. – Leipzig: Bibliogr. Institut, 1975. – 394 S.
8. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1983. – 271.
9. Dolezel L. Zur statistischen Theorie der Dichtersprache // Mathematik und Dichtung. – 2 Aufl., München, 1965–67. – S. 234–288.
10. Fleischer W. Grundfragen der Stilklassifikation unter funktionalem Aspekt // WZ Päd. Hochschule Erfurt. – 11, 1970. – S. 2–12.
11. Гальперин И.Р. К проблеме дифференциации стилей речи // Проблемы современной филологии. – М.: Наука, 1965. – 476 с.
12. Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М.: Высшая школа, 1971. – 240 с.
13. Швейцер А.Д. К разработке понятийного аппарата социолингвистики // Социально–лингвистические исследования. – М.: Наука, 1976. – С. 31–42.
14. Labov W.: The social stratification of English in New York city. – Washington: D.C., 1966. – 600 p.; Some principles of linguistic methodology. // Language in society. – No.1., 1972; Der Ausdruck sozialer Prozesse in linguistischen Strukturen. // Sprache und Gesellschaft. – Hamburg: Hoffman und Campe, 1972. – 338 S.; A quantitative study of sound change in progress. Report on National Science Foundation Grant GS – 3287, – pp. 3–45. – Philadelphia, 1972; Sociolinguistic Approach to the Problem of Normalisation. // Proceedings on the Ninth International Congress of Phonetic Sciences. – Copenhagen. – V.1, 1979. – p. 441; Einige Prinzipien linguistischer Methodologie // In: H. Steger (Hrsg.) Soziolinguistik. Wege der Forschung. – Darmstadt, 1982. – S. 7–23.
15. Гайдучик С.М. Фоностилистический аспект устной речи: Экспериментально–фонетическое исследование на материале немецкого языка. Автореферат дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.04 / – ЛГУ. – Л., 1973. – 31 с.
16. Bernstein B. Elaborated and restricted codes. // The ethnography of communication. Ed. by Gumperz and D. Hymes. // American Anthropologist. – V. 66. – No 6, 1964; Elaborierter und restringierter Kode: Eine Skizze // Aspekte der Soziolinguistik. – Frankfurt am Main, 1971. – 386 S.